

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЮРИЙ
КОРЧЕВСКИЙ

В РАЗВЕДКЕ
И ШТРАФБАТЕ

СИБИРЯК

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Художник *Игорь Варавин*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 В разведке и штрафбате. Сибиряк / Юрий Корчевский. — Москва : Эксмо, Яуза, 2016. — 384 с. — (Исторические приключения).

ISBN 978-5-699-92580-3

Он вырос в глухом сибирском поселке, в роду охотников-промысловиков, и стрелять научился раньше, чем читать и писать.

На передовой его прозвали Сибиряк и Охотник — он умеет маскироваться на «нейтралке» не хуже, чем в тайге, и отстреливает гитлеровцев, как дичь: на его снайперском счету уже под сотню врагов.

Но фронтовая судьба переменчива — и Сибиряку придется восвать не только снайпером, но и минером-подрывником, и диверсантом, и в войсковой разведке, и в штрафбате...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92580-3

© Корчевский Ю.Г., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

НОВОБРАНЕЦ

Алексей попытался удерживать равновесие на бревне, перекинутом через ручей. Но бревно предательски повернулось, и он упал в воду. Выбравшись, разделся догола, отжал одежду. И надо же, как его угораздило! Вода в июне холодная, Сибирь — не Кавказ. Завтра уже возвращаться с охотничьей заимки домой, и вот — нате, вымок. Он оделся и бегом бросился к избушке — на бегу одежда быстрее просохнет. Ему больше было жалко ружья — при падении вода попала в механизмы.

В избушке он вновь разделся, повесил на веревку одежду и стал разбирать «фроловку» — так называли винтовки Бердана, расверленные до 20-го калибра. Хорошее ружьецо, еще отец им владел. Он и сейчас жив, только стар стал, глазами слаб, на охоту уже не ходит. А Леха охотой промышлял, кроме «фроловки» еще «мелкашку» имел. У нее патрон слабый, но дешевый, и вес маленький, что на ходовой охоте немаловажно. Зато зайца или тетерева с «мелкашкой» брать хорошо. Звук у выстрела слабый, иногда двух-трех птиц добыть успеешь, пока стая всполошится. Только птица иногда на выстрел крепкая попадалась — тот же глухарь. Осторожная, близко к себе не подпустит, только на току ее и добыть можно.

Как затоковал самец, бери его хоть голыми руками — ничего вокруг себя не видит и не слышит.

Месяц он уже дома не был, провизия — крупы и соль, да и патроны к концу подходили. Надо было домой возвращаться. Прибыток ноне неплохой, вон сколько шкурок сохнет. Правда, они только солью обработаны, чтобы не портились. Мездру он с них снял, но, чтобы шкурка мехом стала, ее еще выделывать надо, квасцами обработать. Но в потребсоюзе ее и такую хорошо берут. Хочешь — деньгами за шкурки бери, хочешь — часть порохом или патронами к той же «мелкашке».

Алексей собрался утром, из последних крупинок чайных сделал заварку, шкурки в мешок определил. Огромный он вышел, да легкий.

Выпив жиденький чай, он отправился в поселок. Половина мужиков в поселке промысловой охотой занималась, половина — на руднике работала. Пробовал и Леха на руднике деньгу заколачивать, отработал смену — и домой. Только не понравилось ему. Пылища, видимости под землей никакой, кашлять стал. В конце концов плюнул он на рудник. В тайге воздух чистый, не надыхнешься. Мяса для еды полно вокруг бегает, летает и плавает, только не ленись. Себе радость, государству польза. А как же? Шкурки же выдывались, какие получше — за рубеж шли, за товары ихние. Опять же в поселке — почет и уважение.

Так и пробежал он десяток километров от заимки охотничьей до поселка. Шел веселый, улыбался. А что? С добычей домой возвращался, сейчас ружья дома оставит — и в потребсоюз. А вечером можно и на танцы. Есть там одна девушка, Зоя — уж больно нравится она Алексею. Тоже, как и он, из старове-

В РАЗВЕДКЕ И ШТРАФБАТЕ. СИБИРЯК

ров, себя блюдет, лишнего не позволяет. Такую и в жены взять можно. Денег вот только поднакопить надо на новую избу. Старая-то, отцовская, мала, все-таки шесть братьев у него и две сестры. Два старших брата женаты уже, отделились.

Шел Леха по главной и единственной улице поселка и улыбался. И сразу не понял, почему первый же встречный, бухгалтер сельсовета, желчный Степан Матвеевич, негодуя спрашивает:

— Чего радуешься?

— Домой вернулся, — недоумевающее ответил Алексей.

— А, так ты не знаешь?

— Чего?

— Война! С германцами, три недели уже идет. Немчура Минск взяла, Красная Армия отступает.

Леха так и оторопел. Конечно, откуда ему знать? В тайге радио и газет нет, только и узнаешь новости, когда домой возвращаешься.

Он рывком распахнул дверь в отцовскую избу и сразу увидел заплаканные глаза матери.

— Ой, лихо! — она зарыдала в голос. — Даже не простился!

— С кем?

— Два брата твоих позавчера на фронт ушли, Николай и Григорий. И на тебя повестка из военкомата пришла.

Новость оглушила, как поленом по голове. Выходит, страну его немец поганым сапогом своим топчет, а он ни ухом, ни рылом?

— Мам, ты «сидор» собери с исподним да бритву положи.

— Готово уже. Отец сказал, что ты днями будешь — как знал.

— Нетрудно угадать, запасы пороха к концу подошли.

— Как братья ушли, Зоя прибежала, тебя спрашивала. Ты бы зашел к ней, девушка хорошая.

— Мам, мне же повестка, мне в военкомат идти надо. Пока я здесь сижу, война закончиться успеет.

— Нет, сынок, отец сказал — это надолго.

— А товарищ Сталин говорил, что мы будем бить врага на его территории. И если сейчас Красная Армия отступает, так это потому, что напали неожиданно. Вот соберет товарищ Сталин кулак, ударит всеми силами — я и до фронта добраться не успею, как война закончится.

— Ты заговорил прямо как эти, комсомольцы, на своих собраниях...

— Я же русский, мама! Дай поесть чего-нибудь, утром только пустого чаю выпил, да и по хлебушку соскучился.

Мать выставила на стол чугунок с картошкой, порезала селедки, огурцов; прижав каравай хлеба к груди, бережно отрезала от него горбушку. Любил горбушки Леха, особенно с борщом, да еще когда горбушку чесночком натрешь! На танцы после этого можно было не ходить — девки носы воротили, так ведь он же не на танцы сейчас собрался.

Пока ел, попросил:

— Мам, пусть батяня сходит в потребкооперацию, шкурки сдаст — все деньги будут.

— Скажу.

Леха вскинулся:

— А где он сам-то, я и не спросил.

В РАЗВЕДКЕ И ШТРАФБАТЕ. СИБИРЯК

— Заготовителя колхозного в армию забрали, попросили его поработать.

— Ух ты!

Староверы не работали на государственных и колхозных должностях, но война многое изменила.

Леха поел, надел брезентовую куртку — в ней ни дождь, ни ветер не страшны. Сунув в карман повестку, поклонился матери:

— Не болейте, мама, и меня дождитесь.

Взялся за лямки «сидора»:

— Ты к сельсовету иди, там все мужики собираются. До Туринска далеко идти.

— Спасибо, — он остановился в дверях и обернулся.

Мать обняла сына и перекрестила его двумя перстами, по-староверски.

Леха шагнул за порог и не оглянулся — вроде не по-мужски как-то.

У сельсовета собрались человек двадцать тех, кому пришли повестки. Кто-то пришел сам, другие — с родней. Лица были у всех хмурые, женщины плакали.

На крыльцо вышел председатель сельсовета, единственный коммунист в поселке. Он сказал короткую речь, обращенную к пришедшим мужчинам, — чтобы не трусили в бою, гнали немца взашей да возвращались с победой.

Ни оркестра, ни долгих проводов не было. Старшим председатель назначил Еремея, машиниста дробилки с рудника — как-никак, он на финской в тридцать девятом успел повоевать, военное дело знает.

— Кругом! — скомандовал Еремей. — В колонну по четыре становись! Шагом марш!

Двадцать километров до райцентра шли до вечера. А там — военкомат, сутолока и бегодня; но уже ночью их посадили в эшелон на станции.

Вагон был товарный, с надписью: «Сорок человек или восемь лошадей». Нары пахли свежей сохой, на них лежали охапки сена. Выдали сухой паек — ржаные сухари и селедку. Леха сухари погрыз, к селедке же не притронулся. А кто по жадности селедки наелся, мучались жаждой. На каждом полустанке к колонке с водой бегали, напиток не могли.

На стоянках, пока паровоз воду и уголь набирал, мимо них к фронту воинские эшелоны проходили — все больше с техникой.

— Ты гляди, какие красавцы! — восторженно взирая на танки БТ, стоявшие на платформах, восхищался Лехин сосед по нарам, Илья. — Мы с ними японцам шею на Халхин-Голе свернули и немцам свернем.

Как они позже узнали, на фронте, танки БТ горели как свечи. Броня у них была слабая, двигатель бензиновый, прожорливый.

К исходу суток эшелон прибыл в Свердловск. Их выгрузили на товарной станции, построили и зачитали списки.

Леха попал в команду из двадцати человек. Думал, сразу на фронт отправят, ан — нет, команда оказалась учебной. Новобранцев помыли в бане, переодели в новехонькое солдатское обмундирование и распределили по отделениям и взводам. Так Алексей попал в учебку.

Учили их минно-подрывному делу. Преподавали строевую подготовку, изучали винтовку Мосина, но

большую часть они занимались инженерными минами — нашими и немецкими.

Алексей хотел попасть в пехоту, даже к командиру ходил, но тот как отрезал:

— Где Родина приказала тебе служить, там и будешь! Кругом, марш!

Так и сидел Алексей за столом вместе с другими новобранцами. Сначала немного теории дали — о взрывчатых веществах да о взрывателях. Потом учебные мины показывали.

У Лехи от терминов голова кругом шла. Каких только мин в Красной Армии не оказалось: Т-35, ТМ-39, ПМЗ-40, ТМ-41, ПМД-6, ПОМЗ-2, и надо было знать их модификации, вроде ПМД-6Ф, в которой взрывчатый состав из аммиачно-селитренной смеси в стеклянных флаконах был. Как установить мину, как обнаружить ее и снять, как замаскировать установленную. Да еще шашки тротилловые, детонаторы, огнепроводные шнуры и подрывные машинки. К вечеру голова гудела.

Но это были только цветочки! Дальше они стали изучать мины немецкие — пехотные, противотанковые. Немцы были хитрыми. На одной mine, такой как ТМ1-29, ставили по три взрывателя. Кроме нажимного — еще боковые и донный натяжного действия. Обезвредил сапер верхний и боковые взрыватели, потянул мину, а она как... В общем, не зря говорят, что сапер ошибается только один раз.

И коварны немцы были. Одна их выпрыгивающая мина SMi-35 чего стоила. Ей для срабатывания хватало легкого нажатия. Вышибной заряд подбрасывал мину на 50—70 сантиметров вверх, и она

взрывалась, оставляя вокруг себя на девять-тринадцать метров зону сплошного поражения.

После теории и занятий с муляжами пошли выходы в поле — учились ставить мины, маскировать. Другие эти мины искали щупами, снимали. Конечно, мины были учебными, на таких не подорвешься, но будущие минеры относились к занятиям со всей серьезностью.

Ближе к выпуску привезли в школу диковинку, индукционный миноискатель ВИМ-203. С ним обнаружение мин быстрее пошло, но был у него один недостаток — он не в состоянии обнаруживать мины в деревянных корпусах. Только на фронте, значительно позже, Алексей видел миноискатели ВИМ-695 и ВИМ-625. Они были попроще и работали на одной радиолампе, потому как их катастрофически не хватало.

А сводки с фронта поступали все тревожнее. Немцы рвались к Москве, к Ленинграду, и едва ли не каждый день в сводках Совинформбюро звучали все новые и новые города, где велись упорные и ожесточенные бои.

Курсанты перешептывались вечерами:

— А где же наши красные соколы? Почему немцы Москву бомбят? И где танки? Пели ведь до войны «Броня крепка, и танки наши быстры...»?

Вопросов было много, а ответов на них не было.

Один случай потряс курсантов до глубины души.

Когда политрук на полевых занятиях после обеда говорил о боях на подступах к Москве и о том, что Москву не сдадут, один из курсантов учебки возразил:

В РАЗВЕДКЕ И ШТРАФБАТЕ. СИБИРЯК

— Кутузов в тысяча восемьсот двенадцатом году Москву сдал, а войну все равно выиграл.

— Отставить пораженческие настроения! — политрук подошел к курсанту, вытащил пистолет и выстрелил ему в голову.

Смерть товарища шокировала солдат, как-то уж слишком буднично и спокойно политрук застрелил курсанта. Многие впервые видели смерть так близко. Только что обедали вместе — и вот..

После этого случая вопросов политрукам не задавал никто. А Алексей только утвердился в мысли, что государство — машина жестокая и безжалостная, и стал отчетливо понимать, что Родина и государство — суть не одно и то же. Он и раньше был не очень разговорчив, как многие сибиряки — на охоте в одиночку не очень-то поговоришь, а теперь и вовсе молчуном стал.

Через два месяца интенсивного обучения стали формировать команды для отправки на фронт. Их учебный взвод целиком попал на Центральный фронт. Раскидали минеров по всем дивизиям.

Служба была в основном ночная. Если днем на «нейтралку» выползть мины ставить или немецкие снимать — долго не проживешь. Немцы, заметив любое движение на нейтральной полосе, поливали ее огнем из пулеметов, не жалея патронов, или накрывали минометными залпами.

Первый выход на «нейтралку» Алексею запомнился надолго. Их было четверо. Старший — сержант Кузнецов, воевавший еще в финскую и служивший в армии с самого начала войны, с 22 июня.

На Алексее, как и на других минерах — винтовка через плечо, на ремне — саперная лопатка, отточен-

ная до бритвенной остроты, а в обеих руках — по мине ТМ-41. Нагружен, как ослик. Кто-нибудь подсказал бы ему еще, как ползти по земле, когда обе руки заняты? Днем еще минерам командир пехотной роты, молоденький лейтенант, показывал из траншеи, где мины ставить.

У немцев танков было много, применялись массово, и наши бойцы их боялись — что с винтовкой против стальной махины сделаешь? Гранат противотанковых не хватало, бутылок с зажигательной смесью — тоже. Да и побаивались их бойцы. Попадет невзначай пуля или осколок в хрупкое стекло — сам факелом станешь. К тому же, чтобы бросить и попасть в танк такой бутылкой, надо его подпустить совсем близко, метров на двадцать пять — тридцать. Да только немецкий пулеметчик в танке тоже не дремлет. Как показался боец в траншее или окопе, сразу стреляет.

Пушек противотанковых тоже почти не было. Видел Алексей на фланге одинокую замаскированную «сорокапятку», прозванную солдатами «Прощай, Родина!». Потому надежда оставалась — мины выставить на танкоопасном направлении.

Мина ТМ-41 оказалась слабовата. Четыре килограмма тротила в ней могли перебить только гусеницу, а корпус и экипаж танка оставались целыми.

Они выкопали саперными лопатками ямки, установили мины в шахматном порядке и вернулись в свои траншеи за следующими минами. Чтобы обезопасить направление, надо было установить не один десяток мин, а если по-хорошему — то и не одну сотню.

Часам к четырем утра, установив последнюю мину, они поползли к своим.

Внезапно Алексей услышал, что навстречу им тоже кто-то ползет. Дернув сержанта за сапог — он полз первым, Алексей прошептал:

— Впереди кто-то есть, сюда ползет...

Сержант отмахнулся:

— Там наши траншеи.

Но тут легкий ветерок донес чужой запах. Алексей не курил, и запахи различал хорошо — не раз на охоте нос его выручал.

Он стянул ремень карабина через голову. Осторожно, стараясь не издать ни звука, снял предохранитель на затворе — патрон был уже в патроннике.

Сержант и еще два минера успели отползти вперед метров на семь. Вдруг оттуда донеслись вскрики, шум борьбы, замелькали тени. И было непонятно, что происходит. Уши резанул немецкий возглас.

Алексей вскинул карабин и, выстрелив в едва различимый силуэт, передернул затвор.

Оказывается, минеры столкнулись на «нейтралке» с немецкой разведгруппой. Они захватили нашего солдата из дозора и возвращались к себе. Будучи обнаруженными, немцы взялись за автоматы. Как только первый из них открыл огонь, стало понятно, кто чужой — у минеров автоматов не было.

Алексей выстрелил. Впереди завязалась рукопашная — слишком близко немцы находились от русских, и огнем можно было зацепить своих.

Алексей вскочил, перебросил ремень карабина через голову, рванул клапан чехла, вытащил саперную лопатку и кинулся к дерущимся. Пока он ночью